AP

частных к экономике России, ждет еще один день, который для разнообразия может случиться не «серым» и не «черным», а «красным». В этот день агентство Standard & Poors может пересмотреть страновой рейтинг РФ как суверенного заемщика — и с некоторой вероятностью поднять его на одну ступень. Другими словами, Россия вернет себе статус «инвестиционной» юрисдикции. Статус «инвестиционного долга» определяется позицией трех рейтинговых агентств — S&P, Fitch, Moody's, если два агентства из трех считают его таковым — для многих инвесторов это открывает возможность (а для многих — и право) размещать в инструментах этой страны свои сбережения. Fitch удерживает рейтинг России на инвестуровне, Moody's — на спекулятивном, как и S&P, которое может поменять свое мнение именно 23 февраля.

Считать госдолг России «неинвестиционным» при базовых показателях платежеспособности, вполне соответствующих гораздо более высокому рейтингу, S&P ранее мешали несколько обстоятельств. Среди них — неопределенность с будущей бюджетной политикой (его с 1 января формально исправило «бюджетное правило» Минфина России, внесенное в закон), цена на нефть (давно уже превышающая рисковые значения в $40 за баррель) и — неопределенность с санкциями. Для S&P важно в первую очередь отсутствие санкций против госдолга, который она рейтингует, и агентство вправе на ближайшие полгода считать этот риск снизившимся или выросшим. Если он, в понимании аналитиков агентства, снизился (то есть в S&P верят в документ Bloomberg) — Россия с марта становится эмитентом госдолга инвестиционного уровня.

Непосредственный эффект от такого решения, если оно случится,— приток в российский госдолг в течение недель порядка $2 млрд, в течение месяцев — рост рейтингов ряда компаний из РФ, в том числе до инвестуровня (по крайней мере для тех, кого нет в действующих списках OFAC), дополнительное небольшое снижение кредитных ставок и, возможно, такое же небольшое укрепление рубля. Этому не сможет помешать даже экстренное перенесение кого-либо из России из «лонг-листа» в «шорт-лист». Хотя бы потому, что при всей сверхвысокой концентрации капитала в РФ (что и фиксируется термином «олигарх», не более того) маловероятно, что замораживание внешних активов даже двух-трех физлиц из «кремлевских списков» будет иметь макроэкономическое значение.

Есть и дополнительные нюансы, говорящие о том, что до осени-зимы 2018 года с санкциями как таковыми ничего принципиально нового происходить не будет. Это не нужно — санкции, увы, действуют и сейчас.

Накопление «немного»

Главная проблема нынешней ситуации с «потенциальными санкциями», вопреки всеобщему мнению, не в том, что в OFAC могут быть внесены, скажем, председатель правительства Дмитрий Медведев или предприниматель Михаил Прохоров, который если и разрушает политику США, то чаще изнутри, бывая в Нью-Йорке, а не снаружи. В известном смысле «лонг-лист», равно как и «необъявленная» часть санкций, разрабатываемая не Стивеном Мнучином, а Рексом Тиллерсоном,— куда как более эффективное средство общеэкономического давления на всю экономику России, нежели конкретизированный «шорт-лист».

Списки OFAC действуют непосредственно — на их основании могут отказать (и отказывают) в открытии счета, в распоряжении деньгами и активами за пределами России (в большей степени в США, но под угрозой активы в немалой части третьих юрисдикций — это легко демонстрировали отдельные эпизоды антииранских санкций США в восьмидесятые). «Кремлевские списки» — это в первую очередь очень настороженная позиция в отношении любых операций попавших в него лиц в любой компании и в любом банке мира. Почти никто не скажет прямо «мы не будем с вами иметь дело, поскольку вы часть компании, принадлежащей господину из списка Мнучина». Многие скажут «мы подумаем». Или скажут «мы согласны, но на условиях, учитывающих потенциальные риски».

И вот это уже — общеэкономическое влияние текущего санкционного режима на экономику России: все, что продается из РФ, стоит немного дешевле, все, что покупается из России, покупается немного дороже, все, что развивается в России, развивается немного медленнее, немного менее эффективно и требует немного больших усилий для развития. Это «немного» постоянно накапливается, поскольку практически весь остальной мир живет без этих ограничений. Иногда накопление «немного» происходит быстрее — если США санкциями прямо изолируют от финансового мира конкретное физлицо из списка «олигархов» или же вводят персональные санкции против представителей правительства (это будет иметь скорее символическое значение, но весьма сильное),— а иногда тормозится.

«Доклад 2 августа» и последующая работа Минфина США по его итогам могут стать своеобразным триггером в отношении санкций. Его содержание уже не может быть чистой теорией, обвинения, которые будут содержаться в этом документе или в его развитие, очевидно, должны будут описывать неочевидные аспекты непубличных российских действий и сделок вполне скандального характера — неизвестных сейчас. В этом логика закона CAATSA, рассчитанного на очень долгий период — многие годы. По сути, госструктурам США дано время на то, чтобы подготовиться (в том числе сбором данных) к настоящему санкционному преследованию тех, кого в США сочтут содействующими в противостоянии России и Соединенных Штатов: предположительно, это время — 2018 год.

Вполне вероятно, что весна и лето 2018 года будут с этой точки зрения обманывающе благоприятными. Но в целом, конечно, нельзя позволять себе обманываться: сама по себе проблема не разрешится. ●

Правы те, кто считает, что санкции уже действуют, а в дальнейшем, даже если ничего не будет происходить, действие их будет лишь усиливаться